

 ПРОЛЕТАРИИ
 ВСЕХ СТРАН,
 СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
 И БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
 КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
 ПАРТИИ
 СОВЕТСКОГО СОЮЗА
 БУДЬ ГОТОВ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 46-й | № 24 [5399] | Вторник, 24 марта 1970 г. | Цена 1 коп.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

**...И с этих дней
 везде
 и во всём
 имя Ленина
 с нами.
 Мы
 будем нести,
 несли
 и несём —
 его,
 Ильичёво знамя.**

(Из стихотворения «Ленин с нами».)

Дорогой наш читатель!

Как пристально вглядываемся мы в старую фотографию, в задумчивое ленинское лицо, рассматриваем корешки книг!.. Мы не знаем, какая книга в те минуты была у Ленина. Но мы знаем точно: тысячи книг хранят тепло ленинских рук. Мы знаем:

Ленин был великим читателем. Мы знаем: в жизни Ленина это было неразделимо — революция, борьба, коммунизм и книги. Оружием пролетариев всех стран стали книги, написанные Лениным. Книги — как алые знамёна, ведущие за собой борцов, единомышленников, людей с благородным сердцем и чистой душой, открытыми для всего прекрасного. Без книг нельзя построить новое общество. Без книг нельзя победить хищный мир капитала, стать сознательным борцом партии коммунистов-ленинцев.

Ленин мечтал о том, чтобы в каждом до-

ме, в библиотеках и школах было много замечательных книг. Он мечтал о грамотных, умных читателях — взрослых и маленьких, о знаниях для народа. О книгах Ленин заботился в самые трудные годы так же горячо, как о хлебе и топливе. Много и трудно работала вся страна, чтобы исполнилась ленинская мечта. И какое богатство книжного моря досталось тебе в наследство! Будь же в нём смелым, упорным пловцом! Стремись любить книги, как Ленин. Учись читать, как Ленин.

Сегодня с мыслями о большой ленинской любви к книгам мы начинаем на страницах

«Пионерской правды» разговор о радостном празднике, идущем по всей стране. Неделя детской и юношеской книги! В воскресенье, 22 марта, праздник открылся в Москве, в Колонном зале Дома союзов. Во всех республиках, в городах и сёлах писатели и поэты встречаются с ребятами, читают им лучшие свои произведения, отвечают на сотни вопросов. Вместе с писателями в гости к ребятам торопятся новые книги. Они рассказывают о нашем родном вожде, о его соратниках, о Родине, о героях труда и войны, о комсомоле. И те, кто пишет книги, и те, кто печатает их в типографиях, — все сегодня обращаются к тебе с уважительными, добрыми словами: «Дорогой наш читатель!» «Читатель» — слово очень хорошее, серьёзное и боевое. Тебе, читатель, равняться на героев лучших книг. Пусть книга всегда будет твоим другом и советчиком!

ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В НАШЕЙ СТРАНЕ ТИРАЖ ДЕТСКИХ КНИГ СОСТАВИЛ СВЫШЕ ЧЕТЫРЁХ МИЛЛИАРДОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ. ЕСЛИ ВСЕ ЭТИ КНИГИ ПОСТАВИТЬ РЯДОМ ДРУГ С ДРУГОМ, ПОЛУЧИТСЯ КНИЖНАЯ ПОЛКА, КОТОРАЯ ОБОГНЁТ ЗЕМНОЙ ШАР ПО ЭКВАТОРУ ДВА РАЗА.

ВСЁ ЛУЧШЕЕ

Берусь сейчас за перо и мысленно вижу юных читателей «Пионерской правды». Волной набегает воспоминания. С чего бы начать?

А не начать ли нам с того, что мы представим себе почти рядом две группы ребят? Одни бодрые, счастливые, громко разговаривают, весело шутят. А другие всё оглядываются, перешёптываются. Словно они отгорожены высокой стеной. От тех, первых ребят. И даже от неба, от солнца!

Вот так обстоит дело в буржуазной Литве. Был я тогда школьником. Моя семья терпела нужду. Как и другие рабочие семьи — наши соседи и друзья. И была перед нами глухая стена. Фашистская власть, расстреливавшая коммунистов, бросавшая их в казематы и застенки, отгородила нас от Советского Союза, который был близко — рукой подать. Грозилась нам тогда за слово правды. И за хранение самой маленькой ленинской книжки. Так боялись фашисты одного имени Ленина. И поэтому, когда мне впервые дали ленинский томик, он был в совершенно постороннем обложке, с безобидным заголовком, чтобы обмануть фашистскую охрану.

И всё-таки в пятом классе гимназии несколько моих друзей — а с ними и я — стали подпольными комсомольцами. Были у нас кружки, прикрывавшиеся всякими хитроумными именами. Как ленинская книжка в посторонней обложке! Помогала нам наша учительница Саломея Нерис, уже тогда вступившая на путь революционной поэзии.

А самым секретным кружком, где мы изучали марксизм-ленинизм, руководил недавно вышедший из фашистской тюрьмы студент-коммунист

Александрас Гудайтис-Гузявичюс, будущий народный писатель Советской Литвы, автор многих книг для молодёжи и взрослых. Видите, как нам тогда помогали поэты и прозаики! А живого Ленина мне показывал поэт, которого и вы отлично знаете, — Владимир Маяковский. Его ленинскую поэму я получил от талантливого литовского поэта Назиса Бинниса. И запомнил чуть не наизусть, хотя тогда ещё плохо знал русский язык.

Впрочем, настоящая встреча с Лениным у меня и моих сверстников произошла в 1936 году. Тогда фашистское правительство расстреляло демонстрацию, шедшую за гробом погибшего рабочего.

Весь пролетарский Каунас вышел на улицы. И со старшими братьями, с отцами были мы. Юнцы. Каунасские гавроши. Швыряли камнями в полицию. Раздавали листовки. И даже выступали с речами. Может, неслыхано мы говорили, но зато горячо! И при этом думали о Ленине, видели, как он шёл во главе каунасских рабочих колонн, слышали, как он к нам обращается. И пытались повторять его слова...

Конечно, я об этом написал. В своей книге «Лирические этюды». И даже не мог не написать. С этого ведь начиналась наша взрослая жизнь. Наша учёба в большой школе Революции.

Мне кажется — то, что написано у нас хорошо, по-настоящему, написано о Ленине. Не обязательно о том, как он был в ссылке, как в Смольном командовал штурмом старого мира, как в Кремле нёвал победу над интервентами и белогабардейцами. Всё самое лучшее, что у нас есть, — от него. От его pomysлов. От его дел. И наши книги — тоже от него. Все наши хорошие книги.

С их страниц глядят он на нас, чуть прищурясь. А какая у него улыбка! Добрая и человечная. Зоркая и мудрая. Он ведь ещё тогда видел на столетия вперёд. И наверно, любовался пионерами семидесятых годов нашего века, которые теперь торжественно отмечают столетие со дня рождения самого гениального, самого большого и самого родного из всех людей — Владимира Ильича Ленина.

г. Вильнюс.

Михаил Луконин

Его дела — твои дела

Рано утром 22 июня 1941 года я, студент литинститута, ехал на волейбольные соревнования и услышал страшную весть: германский фашизм пошёл войной через наши границы, моя страна, всё то, что создано моим народом, в опасности... Я вернулся с полдороги. К вечеру уже был командиром отделения московского ополчения. Потом фронт.

Все эти четыре огненных года войны, когда решалась судьба мира, я думал о своей стране. Мысленно я обращался к Ленину — самому родному для меня человеку. Ленин был у меня в крови, он был моей жизнью.

После войны я много ездил по родной Волге. Мне хотелось написать поэму о земле, о том, как живут на этой земле наши люди. Я видел трудности и победы, радовался стройке Волжской ГЭС и понимал, что скоро земле и людям будет легче.

Иногда поэма моя останавливалась. Я приходил в отчаяние. И тогда я откладывал поэму и брался за такие знакомые тома ленинских книг. Листал их, набирался сил. И поэма двигалась даль-

ше. Это была самая трудная, самая большая поэма. Я работал над ней 10 лет. Она называется «Признание в любви». Я признавался в любви к людям, к земле, к Отчизне.

С Лениным связана вся жизнь наших поколений, все мечты народа, все победы. И мои мечты, моя жизнь, мои одоления как маленькая капля большого океана. И когда меня спрашивают, чем дорог мне Ленин, я отвечаю строками из своей поэмы:

И партия, и он предельно схожи, характером близки, как сын и мать, тем, что ему и ей всего дороже, — умением народ свой понимать. Он был великой мыслью озачобен о лучшей жизни. Он любил людей.

С МЫСЛЬЮ О ЛЕНИНЕ

Почти всё творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян связано с именем Ленина. Вы знаете её книги: «Семья Ульяновых», «Первая Всероссийская», «Билет по истории». Совсем недавно вышла в свет новая книга «Четыре урока у Ленина». Сегодня писательница беседует с вами, ребята, о письмах Ленина к матери.

Мариэтта Шагинян

Ильич пишет матери!

Самая трезвая проза Ленина всегда насыщена волнением оратора. И читая, вы чувствуете, что автор — борец, борец страстный, негибнущий, не уступающий, побеждающий в споре. А вот в своих письмах к матери Владимир Ильич — словно бурная река, вдруг успокоенно разлившаяся: почти нет подчеркиваний, нет удвоенных восклицаний. На всю сотню писем я насчитала всего около пятнадцати подчеркиваний, считала всякий раз для того, чтобы обратить особое внимание на подчеркнутые слова: например, на слово «каждый» день, когда он пишет о необходимости для брата делать в тюрьме гимнастику, или нежное, полное чувства подчеркивание слова «дочь» — только в том письме, когда он ждёт близкой встречи с матерью.

В чём для Ильича была постоянная нужда, постоянная потребность, отражалась в письмах? Читаем первое письмо — от 1893 года из Петербурга. Там есть в самом начале описание напуганной Ильичём комнаты: «светлая, с хорошим ходом, и так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен».

Вы видите тут, что понятие городского центра в первую очередь связывается у Ленина с местонахождением библиотеки. Через всю переписку пройдёт потом у Ленина это упоминание о библиотеке — главным месте его постоянной работы, — вплоть до последнего письма из Цюриха от 12 марта 1916 года. Уже идёт революционное брожение в войсках и в Питере, меньше года до Февральской революции, скоро конец эмиграции — отъезд на родину, борьба за Октябрь и самый Октябрь... А в первых строках письма читаем: «Мы живём теперь в Цюрихе. Приехали позаниматься в здешних библиотеках...»

Это не случайно, не нарочито, это естественно, как течение жизни. Мы знаем, что и после Октября, в разгар

леисчерпаемой государственной деятельности, захватившей всё его время, все его силы, Ильич не порывал с библиотекой, слал записки за нужной книгой в тогдашнюю Румянцевскую.

Книга! Если что выписывал себе Ильич в ссылку, в эмиграцию — так это книги. Он говорит о книгах, как о чём-то волнующе любимом, любовно ожидаемом. Из Мюнхена, испытывая недостаток в русских книгах, он просит «...отобрать все возможные и в особый ящик даже в мою статистику, о которой у меня немного наичего не тосковать и думаю в свою очередь «переправить». Вот где «все» и «всю» подчеркнуты.

Но подумайте: «тосковать по статистике!» В этом весь Ильич, говоривший, что он «влюблён» в Маркса и Энгельса, весь Ильич, понимавший статистику как музыку, как гениальный перенос цифр, подобно «звукам разной высоты» фиксирующей безошибочно реальность земных фактов и поэтому позволяющей вывести из них бесспорные закономерности.

Не просто учёный, но учёный-поэт может тосковать по статистике, как тосковал по ней Владимир Ильич.

Казалось бы, сотня писем к матери — это очень немного. Но в письмах уоджилось множество интереснейших сообщений Ильича о том, что он читал, где бывал, как музыку слушал, какие посещал спектакли.

В одном из самых ранних писем он как-то признался, что много пишет только тогда, когда есть что писать для Лени. Важнейшее условие... Если «есть что» передать людям — только тогда стоит говорить и писать.

Лев Кассиль

Имя-Знамя

Есть слова, которые каждый узнает совсем ещё маленьким, когда он только научился думать и говорить. Мама и папа. Солнце и звёзды. Вода и хлеб. Человек и дружба. Яблоко и цветок. Зверь и птица. Труд и праздник. Хочу и надо. Добро и ласка. Дом и Родина. И среди этих главных для людей понятий есть такое, которое давно уже стало одним из самых важных и дорогих на всём свете и для взрослых и для детей. Это имя — ЛЕНИН.

С именем Ленина надо обращаться очень бережно, не помнить его по поводу дел пустяковых, несерьёзных. Ленин — это ведь наше знамя. И подобно тому как знамя хранится на самом почётном месте, имя-знамя ЛЕНИН мы бережём в самом заветном уголке своего сердца. Со знаменем просто так, куда пошло, не выходят. Его уважительно выносят в торжественные, праздничные часы, когда мы вспоминаем, как наши отцы, наши деды, поднимали алое ленинское знамя над баррикадами революции, шли с ним в бой на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн.

Я привлек всегда очень бережно относиться к этому имени, поэтому

старался, чтобы и действующие лица в моих книгах не произносили бы чуждого имени Ленина. Но мне думается, что и без прямых ссылок на Ленина некоторые герои моих книг убеждают читателя в том, что они воодушевлены идеями Ленина и незабываемым примером его великого подвига. Вот, скажем, герой-пионер из города Керчи Володя Дубинин, о котором я в содружестве с М. Л. Подлюнским рассказал в повести «Улица младшего сына». Думается мне, что уж он-то, крымский отважный мальчишка, именем которого названа улица в родном его городе, вправе быть назван юным ленинцем. А значит, и его короткой, так рано оборванной врагами жизни, в его подвиге и без излишних напоминаний просвечивает безаветная верность делу Ленина, героическая решимость быть всегда готовым к защите этого великого дела. И когда потребовалось, он отдал за победу этого дела свою юную жизнь.

подробностей! Он был тогда ещё мальчиком, но это вовсе не мешало ему состоять в близких знакомых Владимира Ильича.

— Да-да, мне сейчас за семьдесят, а тогда он играл с нами, мальчишками. Вот здесь, смотрите, вот в этом дворе!..

И в довершение просит тебя передать привет России.

В народной Польше, в Поронине, побывавшей в деревянном доме — в нём когда-то жил Ильич. Теперь тут прекрасный музей. Спросишь, каким чудом сохранился дом в годы гитлеровского нашествия? Оказывается, поронинцы старательно скрывали от фашистов, в каком доме жил Ленин, сберегли его.

Вот и стучит учащённо твоё сердце всякий раз, когда снова и снова убеждаешься в том, как близок людям Ленин, как тесно связано его судьба с судьбой народной, как любя и всегда помнят Ильича во всех уголках земли.

Виктор Тельпугов

„Я ГОВОРИЛ С НИМ..“

Ленин... Чем чаще я думаю о нём, тем всё больше поражает меня, какой большой след оставил он в человеческих сердцах, как свято и высоко чтят его память люди труда.

Прошло много лет с тех пор, как не стало Ильича, но на земле и сегодня слышны гордые: «Я знал его лично», «Я говорил с ним», «Я выполнял его поручение»...

Всегда с волнением вслушиваюсь в эти рассказы: мне, писателю, работающему над ленинской темой, они дают неоценимо много.

Поговорили со старой крестьянкой Дарьей Семёновной Паршиной, случайно встреченной под Можайском — она поведала тебе историю о том, как Владимир Ильич вызволил из беды деревенскую учительницу, одинокую и хворую, Даря

Семёновна в благодарность за это связала Ильичу варежки. Ленин, приняв подарок, сказал, что таких тёплых и пушистых никогда ещё не носил. И тебе непременно захочется, чтоб о Дарьиных варежках узнали многие.

Судьба забросит тебя во Францию, в Альпы. Там, в крохотном местечке Ля Бридуар, подойдёт к тебе древний старец, в прошлом резчик по дереву, назовётся Стефаном Бьюссо. Он расскажет тебе, как в далёком 1912 году оказал рабоче гостеприимство Ленину и четвертым его спутникам, прибравшимся поздней осенью через трудный

горный перевал к своим друзьям в Швейцарию. Он поведёт тебя к тому домику, где ночевали русские и где для них всю ночь топились жаркая печь.

Во французском городке Лонжюмо окажешься на улице, где когда-то в специально созданную работу Ленин, набредёшь на ветхий сарай, в котором школа помещалась, примешься расспрашивать незнакомых людей о Ленине, и с тобой вдруг заговорит человек — уж кто-то, а он-то прекрасно всё помнит и знает. Всё, до мельчайших

В этой комнате тихо даже тогда, когда галдят в школьных коридорах шумная перемена. Внимательно, серьёзно рассматривают ребята материалы ленинского музея. Слушают рассказ о жизни Владимира Ильича, о его делах и книгах. г. Астрахань, школа № 5. Снимок учеников седьмого класса В. МИТРОХИНА и В. ИСТРАТОВА.

У ребят московской школы № 7 в библиотеке есть своё издательство «Маяк». — Какие книги выпускает оно? — спросите вы. Пионеры собирают вырезки из газет, журналов и делают книги. Их «вышла в свет» уже тысяча. В классах ребята устроили выставки книг о Владимире Ильиче Ленине. Есть и свои книгошопы. Они разносят книги взрослым читателям.

Фото В. ГУСЕВА

Расул ГАМЗАТОВ

В каждом доме

Прошлым летом вместе с моими дочерьми Заремой и Патей я путешествовал на теплоходе по Волге.

Поздно ночью мы сошли на берег города Ульяновска и уже в шесть часов утра отправились к Дому-музею Владимира Ильича Ленина. Мы со старшей дочкой Заремой ещё только подошли к дверям дома Ленина, когда наша стремительная Патя уже вела переговоры со сторожем.

— Нет, милая, ещё рано. Музей ведь открывается в девять часов, а сейчас только шесть.

Умлющими глазами смотрела Патя то на сторожа, то на меня. И вдруг она решительно сказала:

— А детям можно к Ленину в любое время. Я должна ехать дальше. Теплоход ведь не станет нас ждать.

И сторож не устоял.

Благоговейно ходили мои дочери по священной комнате. Что касается меня, осматривая ленинскую комнату, я думал: в ней я бывал сотни раз и Ленина я вижу всю жизнь с самого начала моей биографии.

Да, Ленин был в детстве в доме моего отца, в его мыслях и стихах, обращённых ко мне и своему народу.

Ленин был в белой одноэтажной школе горного аула, где я учился. Он был в блиндаже моего старшего брата, погибшего в 1942 году на берегах Волги.

Ленина я видел в доме горца, который вот уже четверть века из скального камня высекает скульптурный портрет Владимира Ильича, его высокий лоб, Ильича я видел и у оцага калдытского рабочего, собиравшего портреты дорогого человека, и в скале моего седого земляка — народного певца из Чароды, воспевавшего образ вождя:

Ты первым пришёл и людям нас назвал, Оружие победное в руки нам дал...

Ленин всегда в сердце моём. Пусть он на всю жизнь останется в сердцах моих дочерей, в сердцах всех детей!

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Шестнадцать лет я работаю над историко-революционной темой. Две повести написала о молодом Михаиле Ивановиче Калининe. И вот теперь печатается четвёртая моя книга о Ленине. Раньше я писала о молодом Владимире Ильиче. А последняя повесть о всей жизни Ленина. Так и будет называться эта книга: «Жизнь Ленина». Конечно, я не могла всё, решительно всё рассказать о Владимире Ильиче — так огромна, значительна, гениальна его жизнь.

«Всё черты Ленина бесконечно близки мне, невыразимо дороги. Дорога его несравненная обаяванность». Страстная преданность делу рабочего класса. Твёрдость. Бесстрашие. Человечность. Гениальность мысли, конечно, — это прежде, прежде всего!

Анатолий АЛЕКСИН

«Эту дорогу я знаю наизусть, как любимое стихотворение, которое никогда не забывал, но которое само запомнилось на всю жизнь. Иногда я выхожу из дому вместе с ребятами, которые в ранние часы бегут той самой дорогой. Мне кажется, что вот-вот сейчас из окна выскочит мама и крикнет мне вдогонку с четвёртого этажа: «Ты забыл на столе свой завтрак!»

Да, часто по утрам я иду вместе с ребятами дорогой моего детства. Заглядывая в лица мальчишек и девчонок. Они удивляются: «Вы кого-нибудь потеряли?» А я и в самом деле потерял то, что уже невозможно найти, отыскать, но и забыть тоже невозможно: свои школьные годы.

«Впрочем, нет... Они не стали только воспоминанием — они живут во мне. Хотите, они заговорят?»

Эти слова будут как бы предисловием к моей новой пьесе «В стране вечных каникул», которую вы, ребята, увидите на сцене Московского театра юного зрителя. Эта пьеса написана по мотивам повести, печатавшейся в «Пионерской правде».

Кроме того, на киностудии «Мосфильм» будет сниматься кинокартина по повести «Мой брат играет на кларнете». А ещё я пишу продолжение своей повести «Очень страшная история». Это будет пародия на детектив. Но всёёею и серьёзное в жизни всегда радом. Вот и мне хочется, чтобы смешная повесть рассказала о серьёзных проблемах жизни.

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

«Не так давно я закончила книгу для октября о Ленине «Дорогой имя». А сейчас на моем столе главы новой работы — Одно задуманной книги о Владимире Ильиче. Она называется «Счастье». Время действия 1919—1922 годы. Тяжёлые годы гражданской войны, борьбы с голодом, строительства нового социалистического государства. 19 октября 1923 года Ленин приезжает на Всесоюзную выставку. Он видит то, что создал народ за эти годы, первые плоды мирного труда, свободного, без господ и богатев. Ленин видит осуществлённым то, ради чего он жил, ради чего совершил свой жизненный подвиг. Поэтому книга и называется «Счастье».

А. ВОЛКОВ

«Ребята присылают мне тысячи писем, просят продолжать сказки из цикла «Волшебная книга Изумрудного города». Четвёртая книга из этой серии «Огненный бог Марранов» выйдет в издательстве «Советская Россия». В книге снова появляется Урфин Джюс. Обману дикое племя Марранов, он становится их королём и «огненным» богом Марранов, потому что умеет добывать огонь. И снова решает завоевать Волшебную страну. На этот раз жители Волшебной страны приходят на помощь сестра Элли Энни и мальчик Тим. Они победили Урфина с помощью механического мула и... волшебной. Тим и Энни очень любят эту игру, они даже организовали команды мигунов. Когда Марраны и Урфин Джюс пошли на приют, они увидели всеобщие соревнования. Эта игра Марранам так понравилась, что вместо кровопролитного сражения они приняли участие в соревнованиях. А Урфин остался «на обочине», и на этот раз навсегда.

В пятой сказке («Жёлтый туман») появляется новая злая сила — волшебница-великанша Арахна. Она просыпается после пятидесятилетнего сна в наши дни и хочет стать повелительницей страны. Но злая Арахна погибает, её побеждают наши герои — Энни и Чарли Блэк.

Л. ЛАГИН

Рис. С. АНТОНОВА.

НАТАШИНУ ГОРЕ

«Нервные дети пусть лучше этой истории не читают, потому что в ней описывается одно довольно грустное происшествие. Это случилось с одной моей знакомой девочкой. Её зовут Наташа. Вы её не знаете.»

«Села Наташа за стол вовремя, хорошоенько выстелила перьями, в чернильницу макала осторожно, не хоровалась, писала внимательно и так написала домашнее задание, что лободорого бы посмотреть. Не так, как всегда.»

«Мама глянула в тетрадку и говорит:»

«Ну вот, видишь, когда ты старался, у тебя получается вполне прилично. Очень может быть, что за эту работу Федосья Ивановна поставит тебе четвёрку с плюсом. Даже пять с минусом.»

«Вот это да! То ещё троечка да троечка (чего там о двойках вспоминать!), только раз за всю четвёрть четвёрка, и вдруг — пятёрка! Ужасно Наташа обрадовалась. Собралась даже попрыгать на одной ножке на радостях, но прыгать не стала, передумала — не маленькая. Человек во втором классе учится. Через полгода в третий будет переходить.»

«Но усидеть на месте не было сил.»

«Побежала с тетрадкой в коридор, стучится к соседке:»

«Можно, тётя Вера?»

«Соседка говорит:»

«Заходи, возьми-стрекоза. Тебе чего?»

«Наташа говорит:»

«Нет, вы только посмотрите, тётя Вера, как я письменно переписала! Мама сказала: я обязательно теперь пятёрку получу. Даже пять с плюсом.»

«Тётя Вера говорит:»

«Тут хватать нечем. Кормят тебя, одевают, обувают, в кино водят, даже в цирк, всякое такое другое. Только и учиться на пятёрки. Небось, я в твои годы уже в институт ходила.»

«Наташа говорит:»

«Зато вам, тётя Вера, задачи на тысячу решать не надо было. Такие трудные появляются задачки, прямо с ума собьют!»

«И суетёте верё в руки тетрадки.»

«Да вы посмотрите-сами, какая красотища!»

«Соседка отмахивается:»

«Чего уж там смотреть! Я тебе и на слово верю.»

«Нет, посмотрите. Ну что вам стон! Ну пожалуйста!»

«А сама чуть не плачет.»

«Вытерла соседка руки (она котлеты година!), взяла тетрадку, посмотрела.»

«И верно, — говорит, — красиво, чисто. Все буквы ровные, одна в одну. Молодец, Наталья Федоровна, продолжай в том же духе.»

«А Наташе всё мало. Бегит в самый конец коридора, к Георгию Ивановичу.»

«Георгий Иванович — человек молодой, пенсионер, придег маленько отдохнуть. А дверь у него была закрыта, защёкнута на английский замок.»

«Наташа стучится:»

«Дядя, Юра, а дядя Юра! Можно к вам на минуточку?»

«Сразу за дверь залазал шенок Кузька. Он всегда лаял, когда стучались к Георгию Ивановичу. Старательный такой шенок, но только совсем ещё молодой.»

«Георгий Иванович Наташе спросоню отвечает:»

«Заходи через полчасика. Я только что придег.»

«Ну дядя Юра, ну миленький! Вы только одним глазком посмотрите на мою письменную!»

«Рассердился Георгий Иванович на Наташину бесцеремонность. Молчит, не встаёт, открывает.»

«Тогда Наташа начинает просовывать свою тетрадку под дверь.»

«А Кузька — несмышлёныш. Видит: что-то непонятное, плоское, синее ползёт из-под дверей в комнату, шуршит. Наверное, думает, это какой-то особо опасный зверь. Значит, думает Кузька, илао, не ишла своей жизни, спасает! Георгий Иванович и он с беззаветной храбростью набросился на тетрадку.»

«Видит Георгий Иванович: ещё секунда — и Кузька разорвёт тетрадку в клочья. Как Георгий Иванович закричит Наташе:»

«Убирай поскорее тетрадку, а то её Кузька сожрёт!»

«Хорошо, успела вовремя выдернуть. Спасла.»

«Возвращается к себе. Как раз Серёжка, её брат, со двора забежал перекусить: часа два гонял с ребятами в хоккей, проголодался.»

«Наташа к нему:»

«Посмотри, как я красивенько написала домашнюю работу. Мама сказала: теперь уже я обязательно получу пятёрку.»

«Посмотрел Серёжка тетраду и говорит:»

«Очень сомневался. Во-первых, она какая-то вся расцарапанная, твоя тетрадка.»

«Наташа объясняет:»

«Это Кузька её чуть котляки не потрепал. Разве заметно?»

«А Серёжка тем временем полистал тетрадку и говорит:»

«А главное, тут какие-то жирные пятна.»

«Наташа обомлела:»

«Вот это да! Это от тёти Вериних пальцев. Она котлеты готовила. Прямо наказание мне с этой тётей Верой! Как же мне теперь с такими пятнами в тетрадке на свете жить? Чуюю моё сердце, не хотела давать ей в руки тетрадку, как ведька она её у меня чуть вместе с руками не вырвала...»

«А Серёжка уже что-то жуёт и говорит Наташе:»

«Определённо не скажу, но по-моему, ты насчёт тёти Веры врешь. Вряд ли она у тебя вырвала из рук тетрадку. Очень это тебе Веру нужно. Признавайся, захотелось похвастаться, сама тебе Веру тетрадку вручила. Сама и виновата.»

«В каком смысле? — прикинула Наташа, будто не понимает.»

«А в смысле паети, вот в каком смысле, — сказала — Серёжка, хлопнула дверь и был таков.»

«Всплакнула Наташа, да делать нечего. Вдохнула, села за стол, взяла новую тетрадку и снова принялась за работу, переписывая задание.»

«А тут как раз Георгий Иванович проснулся, зашёл к ним, говорит позвывая:»

«Ну, показывая свои каллиграфические достижения, прекрасная Наталья!»

«Тут у Наташи почему-то запылали уши.»

«Как-нибудь в другой раз, — сказала она, старательно выводя буквоку за буквоку.»

«Совсем получалось как раньше. Но когда Георгий Иванович повторил своё предложение, на тетрадку камуля горькая Наташина слеза и чутючка размыла в двух слова чернила.»

«Поэтому Наташа получила за свою домашнюю работу не пятёрку, а четыре с плюсом.»

«Тюже, по-моему, неплохо.»

«В тройке Старшинова играл Александр Якушев. Он на отлично провёл матч.»

«Хорошо играет Саша Мальцев. Он один из результативнейших форвардов чемпионата. В отел «Фламинго», где живут наши хоккеисты, пришло письмо из города Фалькенберга: «Дорогой мистер Мальцев! Я, шведский мальчик Курт Йонсон, очень интересуюсь хоккеем и внимательно слежу за ним. Я думаю, что сейчас вы самый лучший игрок в мире».

«В тот же день шведы переиграли со счётом 6:2 хоккеистов Германской Демократической Республики и набрали одинаковое количество очков со сборной СССР. Но лидеры — наши ребята. Сороч да два они заиграли красный свет за воротами сильнейших хоккейных держав мира и лишь, восемь шайб пропустили. Великолепная разница забитых и пропущенных шайб!»

«Впереди двенадцать матчей. Сегодня советская сборная играет против хоккеистов ГДР. Но центральным матчем будет встреча шведских и чехословацких спортсменов.»

В. ВОЛКОВ.

РЕКОРД «ЮХАННЕСХОФА»!

«Чемпионат мира по хоккею в стоковальском Дворце «Юханнесхоф» переиграл экватор. Все участники чемпионата, а их шесть команд, закончили первый круг с поражением. Семьдесят чемпионы мира — советские хоккеисты — «сплотнулись» о шведскую стенку. «Тре Крунур», как сказал после игры на пресс-конференции старший тренер нашей команды А. И. Чернышев, сыграла на пять с плюсом.»

«Недольми были организаторы о хоккеистов. День отдыха — и снова жаркий лёд «Юханнесхофа». Наша команда во второй раз скрестила клюшки с хоккеистами из Сумуи, у которых с огромным трудом вырвала победу в день открытия чемпионата. Это было неожиданностью для зрителей. И в прошедший воскресный вечер болельщики ядали сенсацию. Олимпиада оправдалась... Шестнадцать шайб побывало в воротах финского вратаря Валтонена, героя первого матча. Это рекорд чемпионата!»

«Финские хоккеисты уже на первых минутах матча запутались в комической карусели, которую устроили наши ребята у ворот Валтонена. Впервые